

DISHONORED®

MAINSTREAM
представляет
книги по легендарной игре
DISHONORED 2:

Адам Кристофер
DISHONORED: ПОРЧЕННЫЙ

Адам Кристофер
DISHONORED:
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАУДА

Гордон Ренни, Андреа Олимпиери
DISHONORED:
ВИРМВУДСКИЙ ОБМАН
(графический роман)

АДАМ КРИСТОФЕР

DISHONORED®

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАУДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
К82

Adam Christopher
DISHONORED: THE RETURN OF DAUD

Печатается с разрешения издательства
Titan Publishing Group Ltd.
TITANBOOKS.COM

Перевод с английского Александры Давыдовой,
Екатерины Логачевой и Сергея Карпова

Кристофер, Адам.
К82 Dishonored: Возвращение Дауда : [фантастиче-
ский роман] / Адам Кристофер; [пер. с англ.]. —
Москва: Издательство АСТ, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-17-109022-7

Дауд, легендарный убийца, вернулся в Дануолл, на улицах которого царят беспорядки. Он ищет магическое оружие — говорят, оно настолько сильно, что им можно уничтожить Чужого, и убийца ни перед чем не остановится, чтобы завладеть артефактом. Но есть те, кто следит за каждым его движением. Путешествуя по Островам во время своей миссии, Дауд вскоре поймет, что старые враги только и ждали его возвращения. Но и новые враги времени не теряют...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109022-7

© 2018 Bethesda Softworks LLC.
Dishonored, Arkane, ZeniMax, Bethesda, Bethesda Softworks
and related logos are registered trademarks or trademarks
of ZeniMax Media Inc. in the U.S. and/or other countries.
All Rights Reserved.

ПРОЛОГ

БЕЗДНА

4000 лет назад

«Обычное дело: предположим, человек перестал дышать, попав под колеса экипажа, или случилась иная трагедия — и его сочли мертвым. Однако стоит убрать гнет с его груди, как пострадавший мигом приходит в себя! Хотя за несколько мгновений до этого он умер для нас и был потерян для этого мира.

Что же люди ощущали в момент такой временной смерти? Тьму? Небытие? Как бы не так! Как и многие до них, они рассказывали, что побывали в некоем особом месте, и могли ярко описать его.

Кто из нас не знаком с ним? Разве все мы не видели его во снах? Это наш общий опыт, почти за гранью разума. Мир, в котором все лишено смысла, где человек одновременно чувствует себя потерянным и обретает дом. Это Бездна».

— БАРНОЛИ МУЛАНИ, «ШЕПОТ БЕЗДНЫ»
Трактат о физическом существовании
потустороннего мира (отрывок)

Место это создано лишь из камня и пепла, наполнено лишь холодной тьмой, пахнет лишь ржавчиной и разложением, и во рту оно оставляет лишь острый и кислый привкус страха.

Мальчик глядит в небо... хотя это вовсе не оно. Вместо неба наверху колеблется пелена серого дыма, тяжелая и зловещая, она тянется отсюда до самого края мира. Лишь ее различает мальчик, да еще две витые колонны из битого камня, что подобно окаменелым древесным стволам переплетаются над плитой, на которой он лежит. Руки, что сжимают его голову, так же тверды, как и алтарь под затылком, — и так же холодны. Когда мальчик пытается повернуться, пальцы сжимают его виски так сильно, что кажется, будто череп под давлением треснет.

Так что мальчик лежит неподвижно, уставившись в ничто наверху, в не-небо, что простирается над этим проклятым местом, в этом «нигде».

В Бездне.

Алтарь страшно холоден, а камень, из которого он сделан, столь древний, что больше похож на отполированное железо. Его будто высекли из единого куска черного металла, вроде того, что находят

в сердцах упавших звезд. Холод проникает в плоть мальчика и пробирает его до костей, заставляет дрожать так, будто тот лежит на льду.

Он пытается пошевелить руками, но они связаны. Его ноги также стянуты веревкой, настолько плотной и грубой, что при малейшем движении ее волокна впиваются в кожу и причиняют жгучую боль — нестерпимую, как и холод, идущий от алтаря. Мальчик шевелит пальцами, но им не за что зацепиться, нечего ухватить — лишь золотые кольца звякают, когда он царапает камень.

Сначала он бился, боролся изо всех сил с культистами, скрывающими лица в капюшонах цвета свинца, что тащили его по пологой каменной лестнице и укладывали на алтарь. Но это было бесполезно. Их было так много, так много рук сжимали его тело, пока он еще не обессилел, пока корчился и кричал, кричал, кричал... они держали его железной хваткой. Когда его привязывали к плите, он продолжал сражаться, но борьба лишь зря отнимала силы.

Привязав жертву, культисты отступили. Мальчик поднял голову и смотрел, как они собираются по обе стороны от каменных ступеней, склонив головы и пряча ладони в свисающих длинных рукавах. Он вновь начал кричать: грудь его вздымалась, когда легкие наполнились ледяным воздухом, но мужчины глазели на жертву, сохраняя молчание. Когда мальчик обессилел и опустил голову обратно на алтарь, в нее вцепились две руки и прижали затылок к плите.

Теперь он может лишь моргать. Даже если время движется здесь, он не в силах следить за его движением: разум затуманен тошнотворными сладкими

зельями, которые его заставили выпить, и цветным дымом с кислым запахом, которым его заставляли дышать, прежде чем принесли сюда, в это ужасное «нигде». Теперь, после драки, когда последние силы высосал холод, у мальчика начинает кружиться голова — кажется, что сама Бездна вращается вокруг него.

Он пытается вспомнить свое имя. Бесполезно. Он пытается вспомнить, сколько же ему лет, — он знает, что молод, и цепляется за это знание, хотя и потерял счет годам. Ему пятнадцать? Двадцать? Возможно, больше. Он не помнит, и чем больше напрягает память, тем больше забывает.

Теперь он видит, что над ним из-за оголовья алтаря склоняется мужчина. Потом мужчина отворачивается, и мальчик больше его не видит, но слышит шорох его одеяния и глухой звук шагов.

А затем раздается иной звук — скрежет металла о металл. Мужчина возвращается в виде черной тени, что загоразживает не-небо. Тень движется, и мальчик видит, как что-то вспыхивает в руках мужчины, высоко занесенных над головой. Яркий бронзовый блеск. Внезапная вспышка пугает мальчика — он не ожидал увидеть здесь нечто подобного цвета.

Это нож с двумя длинными параллельными лезвиями, они сияют и отбрасывают всполохи света, который кажется потусторонним. Яркого света, который сначала белый, а потом превращается в оранжевый и красный. Будто нож медленно вращается перед гигантским костром... в то время как его неподвижно держит мужчина в плаще. Остальные — те, кто собрался вокруг алтаря и ступеней, — молчаливо ждут, повернув раструбы капюшонов к творящемуся жертвоприношению.

Мужчина, который сжимает Двудольный Нож, бормочет что-то, но мальчик не слышит его. Голову жертвы наполняет звук плачущего ветра. Страх внутри мальчика внезапно разбухает, и он чувствует себя так, будто падает в глубокий темный колодец. Кишки сводит, горло заливаает горькая желчь, и он находит в себе силы сделать еще один рывок, будто это имеет какой-то смысл.

Но рваться бесполезно. Веревки крепко держат — так же, как и руки, сжимающие голову. Мальчика заставляют запрокинуть подбородок, и теперь он видит лицо мужчины, держащего нож. Лицо своего палача.

Затем он видит вспышку — похоже на молнию, хотя грома нет. Мальчик моргает, и слезы текут из-под век, а свет продолжает разгораться. Он не понимает, что это: свет Бездны, или его собственный бред, или это невозможное сияние исходит от ножа.

Мальчик кричит.

Культист вновь что-то бормочет, отводя чуть в сторону высоко занесенное оружие.

Затем нож опускается вниз, испарывая шею мальчика. Его крик обрывается и сменяется свистящим бульканьем. Ноги жертвы дергаются, пальцы скребут по жесткой поверхности алтаря, которая быстро становится скользкой от крови. А потом он затихает. Мальчик лежит, уставившись на ничто в вышине, пока жизнь ускользает прочь.

Он умирает.

И рождается нечто ужасное.

ЧАСОВНЯ СЕСТЕР ОРДЕНА ОРАКУЛОВ,
БЭЙЛТОН, ГРИСТОЛЬ

14-й день месяца Песен, 1851 год

«Немало рассказывают о слепых сестрах ордена Оракулов, но на самом деле глаза их видят не хуже, чем ваши или мои. Тем не менее сестры тщатся обрести слепоту пред лицом легкомыслия и развлечений. Если же обстоятельства вынудят, сестры выйдут к нам с богато украшенными повязками на глазах. Именно таким способом они сохраняют «готовность видеть ясно».

— «ОБ ОРДЕНЕ ОРАКУЛОВ»
Дуглас Харвикл, историк

Клуатр Пророчества представлял собой большой круглый зал, расположенный в самом центре часовни сестер ордена Оракулов. Именно отсюда расходились семь крыльев здания. Ярко-белый камень, из которого были сложены стены клуатра, умело обтесали так, чтобы образовать комнату идеальной геометрической формы, а высокий сводчатый потолок создавал иллюзию, будто зал находится на открытом воздухе.

Вокруг центрального возвышения были расположены шесть прямоугольных плит из черного мрамора, собранные таким образом, чтобы плотно примыкать к стенам в арках клуатра. Перед пятью из них преклонили колени на черных подушках пять

сестер в безупречных туниках бело-серебристого цвета с высоким воротом. Хотя глаза скрывались под красными церемониальными повязками, те служили скорее данью традиции и символической деталью одеяния, чем действительно выполняли ту функцию, для которой были изначально созданы. На самом деле каждая из сестер могла беспрепятственно сосредоточить внимание на девушке из ордена, что стояла на коленях на красной подушке в центре зала, на возвышении.

Рядом с шестой плитой находилась сестра, не похожая на остальных. Она была одета в длинную черно-красную тунику. Эта была Верховный Оракул Пелагия Фемида собственной персоной, и надо сказать, что ее присутствие на церемонии Пророчества было весьма редким событием. Но она находилась здесь с особой целью: к данному моменту сестры были на своих местах вот уже несколько часов, церемония проходила как подобает и именно так, как планировала Верховный Оракул.

И это было... скверно.

Сестра Кара, склонившаяся перед красной подушкой на центральном возвышении, хмурилась. Она раскачивалась, стоя на коленях, а губы беззвучно шевелились, будто она зачитывала слова, возникающие внутри головы.

— Сестра Кара!

Та дернулась назад от оклика, едва не соскользнув с подушки, и повернулась в сторону Верховного Оракула. Потом потянулась к подушке, чтобы устроиться поудобнее. Колени горели от боли: прошло уже несколько часов в попытках — бесполезных попытках — прочесть Пророчество.

— Да, Верховный Оракул?

— Дар пророчества, коим обладают сестры ордена Оракулов, драгоценен, — проговорила Пелагия. — Мы несем на плечах его тяжесть, осознавая: это не сила, но величайшая ответственность. Посему дар нельзя растрачивать зря. Слишком многое зависит от того, какую информацию мы предоставим нашему брату, Верховному смотрителю.

Сестра Кара склонила голову:

— Да, Верховный Оракул.

Пелагия кивнула, затем перевела глаза налево:

— Ты готова приступить, сестра Беатрис?

Беатрис поднялась с подушки и потянулась к предмету, который стоял рядом с ней на полу. Это было небольшое устройство из металла и дерева с длинным медным раструбом, направленным в сторону возвышения и сестры Кары — аудиограф. Беатрис разорвала последнюю перфокарту с записью, достав ее из отверстия в боку устройства. Потом осторожно вытащила наружу свежую из рулона, что покоился внутри машины, и подтянула ее край к записывающим иглам. Удовлетворившись сделанным, она опустила обратно на подушку, протянув руку к рычагам управления.

— Готова записывать, Верховный Оракул.

Пелагия вновь повернулась к возвышению.

— Что ж, попробуем снова, сестра Кара. И мы будем пытаться до тех пор, пока пророчество не будет провозглашено.

Кара склонила лицо с повязкой на глазах к самому полу.

— Простите, Верховный Оракул. Пророчество... сложное.

Пелагия поджала губы. Слова Кары полностью отражали правду — ритуал Пророчества был сложен,

этот навык требовал годов практики и целой жизни, посвященной ему. Между тем сестра Кара была новичком — она присоединилась ордену в Бэйлтоне всего год назад. Для столь неопытной сестры участие в ритуале было неслыханным, но именно по этой причине Пелагия и использовала ее.

О настоящей причине своего визита она умолчала. Ни сестре Каре, ни другим присутствующим Верховный Оракул не сообщила, что прибыла сюда вовсе не для того, чтобы посмотреть, как юная сестра пытается озвучить свое первое пророчество. Нет, она была здесь, чтобы собрать данные, которые подтвердили бы теорию... ту, что завладела всеми ее мыслями на протяжении последних нескольких недель.

Пророчества... что-то вносило в них помехи. Это было единственным термином для описания происходящего. Так или иначе, предсказанное сестрами не сбывалось — Пелагия потратила несколько месяцев, изучая пророчества, отправленные Верховному смотрителю в Дануолл. Она даже изучала оригинальные записи аудиографа, чтобы убедиться, что они были расшифрованы без ошибок и без подтасовки смыслов.

Но факты говорили сами за себя: что-то шло не так, и это «что-то» окажет влияние не только на орден Оракулов, но и на всю Империю, если проблему вовремя не определить и не искоренить. Пророчества, сделанные сестрами, использовались для множества целей и помогали государственным мужам принимать важные решения. Они служили для объявления войны и заключения мира, для ведения переговоров между народами Островной Империи, их использовали для того, чтобы планировать

посевную, противостоять природным катастрофам или даже предсказывать погоду.

Судьба мира — его история — определялась теми сообщениями, что сестры отправляли Верховному смотрителю Юлу Хулану в Аббатство Обывателей. Он, в свою очередь, изучал пророчества и распространял важную информацию, что содержалась в них, среди заинтересованных лиц по всем Островам. Сестры из ордена Оракулов были самой влиятельной группировкой в Империи.

Именно поэтому помех в их работе просто нельзя было допускать. Именно поэтому Пелагия прибыла в Бэйлтон, в часовню маленького города на западном побережье Гростоля, куда ни разу за всю историю ордена не ступала нога Верховного Оракула. И Кару, самую неопытную из сестер, она выбрала для провозглашения пророчества по той же причине. Недостаток опыта и тренировок, как надеялась Пелагия, позволит раскрыть механизм помех. Незашоренный, восприимчивый разум новичка открыт для того, чтобы увидеть и прочесть истину, в большей мере, чем у других Сестер — натренированных, опытных, дисциплинированных, которые уже научились пренебрегать помехами или подстраиваться под них.

Именно такой была теория Пелагии.

— Да, — произнесла она. — Ритуал Пророчества непрост. Но неужели ты ожидала иного, сестра Кара?

— Я... Простите меня, Верховный Оракул.

Пелагия вздохнула. Пять остальных сестер стояли на коленях вокруг, и Верховный Оракул не сомневалась в том, что их тела были измучены и молили об отдыхе. Однако это были самые опытные сестры в часовне Бэйлтона, привыкшие к неудобствам. Они были борцами и атлетами в той же мере, что и про-

рочицами, ибо тренировали тело так же сосредоточенно, как и разум. Лишения являлись привычной частью их жизни.

— Тебе не за что просить прощения, сестра, — сказала Пелагия. — Но если ты хочешь полностью посвятить себя ордену, если хочешь принадлежать ему, ты должна изучить ритуал Пророчества. Ты должна научиться направлять свой ум, грезить о Бездне, глядеть сквозь нее, чтобы суметь прочитывать будущее. Помни, что мы здесь для того, чтобы помочь тебе. Семь сестер — все вместе мы часть ритуала. Так что сконцентрируйся и, опираясь на нашу мощь, стань сильнее.

Пелагия замолчала на мгновение. И продолжила:

— Я Верховный Оракул. Я здесь для того, чтобы указать тебе путь. Возьми мою силу и прочти грядущее.

Сестра Кара склонила голову, потом подняла ее и обратила лицо к потолку.

— Да, Верховный Оракул. Я готова.

— Хорошо, — сказала Пелагия. — Тогда мы вновь начнем. Сестра Беатрис, возобнови запись.

Беатрис кивнула и передвинула рычаг активации на аудиографе. Машина вернулась к жизни, и тихий клекот записывающих игл зазвучал, отражаясь от сводчатых стен клуатра, будто далекий дождь. Перфокарта медленно выползала наружу из отверстия на боку устройства.

Сестра Кара приподнялась на возвышении, затем опустилась на подушку, держа руки на бедрах. Она размяла шею и закрыла глаза под красной повязкой.

— Верховный Оракул ведет тебя, сестра, — прошептала Пелагия. — Тебе нечего бояться. Пусть будущее явит себя.